

**УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
СВЯЗАННЫХ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЕКРЕТАМИ**

Джурабеков Тохиржон Мамурджон угли

Преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, старший

лейтенант

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20539051>

Аннотация. В данной статье исследуются правовые основы и практические проблемы участия защитника в проверке доказательств, связанных с государственными секретами в уголовном процессе. В частности, проанализированы существующие ограничения в статье 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан и их влияние на право обвиняемого на защиту. На основе сравнительного изучения взглядов таких ученых, как Г.З. Тулаганова, Ф.М. Мухитдинов, а также законодательства России и Германии, автором обоснована целесообразность участия защитника в процессе без специального допуска, лишь на основании подписки о неразглашении. В заключении разработано предложение по внесению соответствующих изменений в национальное законодательство.

Ключевые слова: Государственная тайна, защитник, проверка доказательств, ст. 89 УПК, квалифицированная юридическая помощь, принцип состязательности, подписка о неразглашении, судебно-правовые реформы.

Annotation. This article investigates the legal foundations and practical challenges of a defense attorney's participation in examining evidence related to state secrets within the criminal process. Specifically, it analyzes the existing restrictions in Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan and their impact on the accused's right to defense. Based on a comparative study of views from scholars like G.Z. Tulaganova and F.M. Mukhitdinov, as well as the legislation

Contact: 99 826 99 56

of Russia and Germany, the author justifies the expediency of the defense attorney's participation based solely on a non-disclosure agreement, without requiring special clearance. The study concludes with a proposal to amend the national legislation accordingly.

Keywords: State secrets, defense attorney, examination of evidence, Article 89 of CPC, qualified legal aid, adversarial principle, non-disclosure agreement, judicial-legal reforms.

Использованные методы: В статье использованы методы формально-юридического и системно-структурного анализа при освещении отношений между защитой государственных секретов и правом на защиту в уголовном процессе, в частности, существующих правовых пробелов в статье 89 УПК; сравнительно-правовой анализ при сопоставлении передового законодательства зарубежных стран, таких как Российская Федерация, Германия, а также международных стандартов с национальным законодательством; кроме того, методы логического обобщения, синтеза и дедукции при группировке научных взглядов ученых-правоведов, их критическом изучении и формировании итоговых предложений по совершенствованию законодательства.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение разумного баланса между необходимостью защиты государственных секретов и правом обвиняемого на защиту в уголовном процессе является одним из самых сложных и актуальных правовых вопросов современного уголовно-процессуального права. Ведь, с одной стороны, неприкосновенность государственных секретов требует строгого ограничения доступа к информации, а с другой стороны, полномочия по проверке доказательств, являющиеся неотъемлемой составной частью прав человека, требуют прозрачности и гласности процессуального процесса.

Именно эти сложные процессуальные отношения нашли свое правовое решение в статье 89 УПК Республики Узбекистан «Охрана государственных секретов». Данная норма устанавливает строгий процессуальный порядок проведения в рамках уголовного дела осмотра, изъятия и других следственных действий с предметами, документами и современными электронными данными, составляющими государственную тайну.

В первой и второй частях данной статьи закреплено, что для проведения следственных действий, связанных с государственными секретами, прокурор или председательствующий в судебном заседании должны согласовать время, место и другие условия проведения таких действий с руководителем предприятия, учреждения или организации, ответственным за хранение этих предметов, документов или электронных данных.

Однако анализ третьей части статьи 89 показывает, что законодатель искусственно ограничил круг лиц, которые могут участвовать в этих специфических следственных действиях, требующих строгого соблюдения режима секретности. В частности, в данной норме установлено: *«В производстве таких действий в качестве эксперта, специалиста, понятого участвуют лишь лица, имеющие допуск к ознакомлению с предметами, документами и электронными данными, составляющими государственные секреты»*.

Если обратить внимание, в этом списке не предусмотрен один из важнейших участников уголовного процесса — защитник (адвокат). Это создает на практике серьезную правовую коллизию: если следственное действие связано с государственными секретами, а у адвоката нет специального допуска, он может быть отстранен от процесса проверки доказательств.

В то время как право обвиняемого на получение квалифицированной

юридической помощи является конституционной нормой, реализация которой не может быть заблокирована административными ограничениями (отсутствием допуска).

В подтверждение нашей мысли считаем целесообразным проанализировать нижеприведенные мнения ученых.

Российский ученый В.Н. Григорьев занимает по этому вопросу жесткую позицию, выдвигая следующее мнение: *«Профессиональный статус адвоката не освобождает его от обязательств по соблюдению секретности перед государством. Если у защитника нет допуска к государственной тайне, обвиняемый должен выбрать другого адвоката, у которого есть допуск»* [1].

По нашему мнению, с таким подходом нельзя согласиться. Причина в том, что право обвиняемого на защиту через выбранного им самим адвоката является конституционной гарантией, и ее нельзя блокировать какими-либо ограничениями — например, под предлогом требования допуска. Кроме того, в ходе нашего исследования выяснилось, что на практике число адвокатов, имеющих допуск к государственным секретам, крайне ограничено, что лишает обвиняемого возможности выбора. Также профессиональный статус адвоката сам по себе налагает обязанность по сохранению конфиденциальности, и за нарушение этой обязанности предусмотрена серьезная ответственность, вплоть до лишения статуса адвоката. Наконец, данный подход нарушает принцип состязательности, в этом случае процессуальное равенство нарушается, что может привести к более низкому статусу стороны защиты по отношению к стороне обвинения.

У.А. Тухташев также считает целесообразным *«предоставление уполномоченным органом адвокату временного специального статуса (разового допуска) для ознакомления с материалами дела»* [2], а И.Л. Петрухин предлагает осуществлять такое участие *«под строгим контролем*

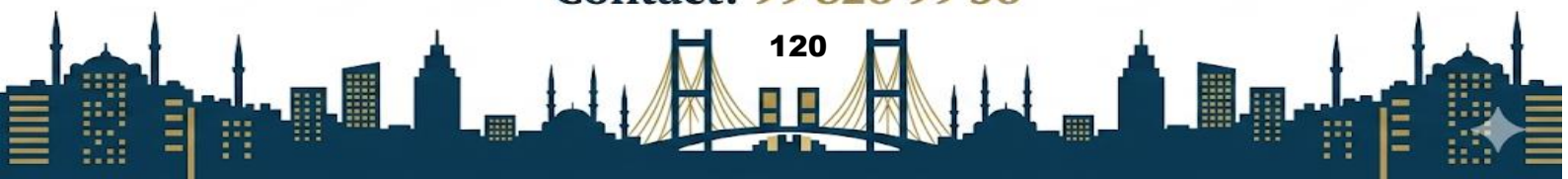

судьи и только в закрытом судебном заседании» [3].

Мы частично согласны с научными взглядами этих ученых. Причина в том, что оба автора не выступают за полное отстранение защитника от процесса проверки доказательств, связанных с государственными секретами, а выдвигают необходимость обеспечения его участия посредством определенного процессуального порядка. Это является значительно более прогрессивным взглядом по сравнению с устаревшим подходом, полностью отрицающим право на защиту.

В то же время в процессе практического применения этих предложений может возникнуть ряд проблемных аспектов. В частности, хотя предложенный У.А. Тухташевым механизм «временного специального статуса» выглядит приемлемым теоретически, на практике его получение требует сложных и длительных бюрократических процедур. В результате защитник может быть лишен возможности своевременно ознакомиться с доказательствами, что, в свою очередь, неизбежно окажет негативное влияние на качество плана защиты.

Что касается предложения И.Л. Петрухина «под строгим контролем судьи и только в закрытом судебном заседании», то его охват в основном ограничивается стадией судебного разбирательства. Тогда как процесс проверки доказательств осуществляется в первую очередь на стадии предварительного следствия, и именно на этой стадии активное участие защитника имеет решающее значение. Поэтому данное предложение не способно восполнить правовой пробел на стадии предварительного следствия. Следовательно, хотя научные взгляды этих ученых являются важным шагом на пути решения проблемы, их предложений недостаточно для полного и эффективного обеспечения участия защитника в процессе проверки доказательств.

Г.З. Тулаганова справедливо подчеркивает: *«Принцип равенства сторон в уголовном процессе не может нарушаться под предлогом защиты государственных секретов. Отстранение адвоката от следственного действия из-за отсутствия у него специального допуска — это грубое нарушение права на защиту. Достаточно взять у адвоката подписку о неразглашении»* [4]. Также Ф.М. Мухитдинов отмечал, что *«ограничение полномочий адвоката в процессе доказывания административными барьерами (допуском) противоречит духу Уголовно-процессуального кодекса»* [5], а Ю.С. Пилипенко дает следующий категоричный вывод: *«Когда адвокат вступает в дело, содержащее государственную тайну, он автоматически берет на себя обязательство по сохранению тайны. Дополнительная проверка органами безопасности не обязательна»* [6].

По нашему мнению, научные взгляды вышеуказанных ученых представляют собой наиболее оптимальное правовое решение данной проблемы. Действительно, как подчеркивала Г.З. Тулаганова, под предлогом защиты государственных секретов не должны приноситься в жертву конституционные основы уголовного процесса — принцип равенства сторон и состязательности.

Опираясь на позиции Ф.М. Мухитдинова и Ю.С. Пилипенко, можно сказать, что специальный статус адвоката и его законная профессиональная ответственность являются достаточной гарантией для сохранения государственных секретов. Ограничение его дополнительными административными барьерами (допуском) противоречит сути Уголовно-процессуального кодекса. Таким образом, путем внедрения механизма взятия у защитника письменного обязательства (подписки) о неразглашении государственных секретов можно одновременно достичь полного обеспечения как интересов государственной безопасности, так и права обвиняемого на

защиту.

В целях поиска правового решения вышеуказанных теоретических проблем целесообразно провести сравнительный анализ передового уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран.

В частности, в части 5 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации четко определен механизм работы защитника с государственными секретами. Согласно ему, если в уголовном деле содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и у адвоката нет соответствующего допуска к указанным сведениям, его отстранение от дела не допускается. В этом случае у защитника берется лишь подписка об их неразглашении, и он имеет право полноценно участвовать в процессе проверки доказательств [7]. Этот опыт показывает, что для обеспечения безопасности нет необходимости исключать адвоката из процесса, достаточно лишь повысить его профессиональную ответственность.

В отличие от этого, согласно параграфу 147 УПК Германии, защитник имеет право без ограничений знакомиться с материалами дела. Защитник также имеет право просматривать, изучать, сравнивать и анализировать материалы, содержащие государственные секреты. В Германии нет требования специального допуска — профессиональный статус защитника считается достаточным [8].

«Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своем прецедентном праве уделяет особое внимание вопросу баланса между государственными секретами и правом на защиту. Согласно устоявшейся позиции Суда, исходя из требований статьи 6 Европейской Конвенции по правам человека, интересы национальной безопасности ни при каких обстоятельствах не могут служить основанием для полного отрицания права обвиняемого на проверку доказательств, используемых против него.

В частности, в деле «Эдвардс и Льюис против Великобритании» суд пришел к следующему выводу: *«Если доказательства скрываются от стороны защиты под предлогом защиты государственной тайны или общественных интересов, и защитник лишен возможности их проверки, такой процесс не может считаться справедливым судебным разбирательством. Даже в условиях строжайшей секретности защитнику должны быть предоставлены минимальные процессуальные гарантии для ознакомления с доказательствами»* [9].

Анализ, проведенный в ходе исследования, показывает, что обеспечение баланса между защитой государственных секретов и правом на проверку доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Узбекистана является неотложной задачей сегодняшнего дня. Передовой опыт таких стран, как Германия, Россия, а также международные правовые стандарты, изученные выше, подтверждают, что режим секретности не должен служить основанием для искусственного отстранения стороны защиты от процесса доказывания.

Опираясь на результаты проведенного выше сравнительно-правового и теоретического анализа, в целях восполнения данного процессуального пробела в нашем национальном законодательстве можно сформулировать следующий научный вывод:

Наиболее эффективным и соответствующим принципам правосудия механизмом обеспечения участия защитника в делах, связанных с государственными секретами, является его полное вовлечение в процесс проверки доказательств путем взятия с него подписки о неразглашении государственных секретов.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем изложить часть третью статьи 89 УПК Республики Узбекистан в следующей редакции:

«В производстве таких действий участвуют эксперт, специалист, понятой, а также защитник. Если эти лица не имеют допуска к работе с государственными секретами, у них берется подписка о неразглашении государственных секретов, и они имеют право полноценно участвовать в процессе проверки доказательств».

REFERENCES

1. Григорьев В.Н., Победин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: Учебник. – М.: Эксмо, 2008. – С. 245.
2. Тухдашев У.А. Ўзбекистон Республикасида адвокатура институтини такомиллаштириш масалалари: Юрид. фан. номз. ... дисс. – Тошкент, 2011. – Б. 78.
3. Петрухин И.Л. Вам нужен адвокат. – М.: Прогресс, 1993. – С. 134.
4. Тўлаганова Г.З. Жиноят процессида адвокатнинг исботлашдаги иштирокини такомиллаштириш муаммолари. Юрид. фан. док. дисс. – Тошкент, 2009. – Б. 156-158.
5. Мухитдинов Ф.М. Жиноят-процессуал шакл: назария ва амалиёт муаммолари. – Тошкент: ТДЮИ, 2005. – Б. 92.
6. Пилипенко Ю.С. Тайна и адвокатура // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2016. – № 3. – С. 12.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 18 декабря 2001 года. Статья 49.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (Strafprozessordnung – StPO).
9. Case of Edwards and Lewis v. the United Kingdom (Application nos. 39647/98 and 40461/98). Judgment of 22 July 2003. Para. 52-53. // European Court of Human Rights HUDOC database.

